Слёзы Турана -24: Хвост скорпиона

Category: Kitapcy,Taryhy proza
написано kitapcy | 24 января, 2025
Слёзы Турана -24: Хвост скорпиона ХВОСТ СКОРПИОНА

Войска, подчиняясь приказу, двигались к Мерву. В одних отрядах были дружинники беков и ханов – плечистые богатыри, закованные в стальные доспехи, а в других – ополченцы на верблюдах и ишаках с заостренными палками и ножами.
– Да благословит небо победный путь! – крикнул пожилой дайханин всадникам.
– Пусть отравится солью тот, кто оторвал нас от полей, – ответили ему.
– Нам нужно это благословение, как собаке перец под хвостом! – ответил джигит на ишаке, с высоко засученными штанами из домотканной материи. – Только подошла моя очередь на воду мелек поливать, а бек погнал в поход.
– Эй, батыр, – перебил его рядом шагавший старик в растоптанных ичигах. – У беков своя молитва! Клянусь аллахом, не он меня учит идти убивать людей.
– Твоя правда, яшули. То бек воюет с эмиром, то эмир хочет взять награбленное у бека…
– Два мои брата погибли у стен Самарканда. А теперь, говорят, надо воевать и мне с огузами… Зачем? Ведь батман пшеницы стоит почти золотой динар!

* * *

Прохлада и величие в покоях султана. Краса и гордость земли, владыка Турана восседал на своем троне в одиноком раздумье. До роскошного трона из соседнего зала долетели голоса пирующих, звон посуды и смех красавиц. Но Санджара не тянуло сегодня к веселью. В который уж раз он вставал, ходил и садился, а ладонь потирала наморщенный лоб. Крупное, рябоватое лицо

султана, как всегда, было властным, спокойным и сосредоточенным. Его волнение выдавала тоненькая жилка на шее, которая мелко вздрагивала и надувалась, передавая напряжение сердца.

Одна лишь дума тревожила сейчас властелина: «Огузы, огузы, огузы!» — стучала кровь в висках. Эта опасность висела над головой владыки, как снег в горах над путником. Казалось, пошевелись неосторожно, и лава обвалится, сорвется с кручи.

Санджар метнул острый и холодный взгляд по тронному залу. Здесь не было никого и, казалось, можно было довериться самому себе, спокойно порассуждать, соединить тревожные мысли об огузах и государстве. Султан Санджар по тем, казалось бы, незаметным случайным отдачам замечал, как день ото дня в руках его слабеет узда управления великим государством. Пока он не мог уловить главного, не мог сам себе признаться в неустойке, но тяжелые мрачные думы о великом султане все чаще посещали Санджара и ввергали в уныние и страх. Уже не было того большого сельджукидского государства, которое он получил в наследство от своего славного отца Мелик-шаха. Не было в руках и той всепобеждающей армии, которой руководил дед Тогрул-бек. Разве мог бы сейчас Санджар мечтать о походе на Константинополь, который когда-то лежал у копыт прославленного Алп-Арслана! Но прочь отгонял от себя эти мысли Санджар. Он не хотел и слышать о приближающейся слабости или разладе в государстве. Победа над Самаркандом показала, что он еще может держать в руках своих подчиненных. И не этим бедным родственникам — огузам, вставать на его пути.

— Эй, кто там? — позвал Санджар.

Из-за шелковой драпировки появились два телохранителя.

— Главного визиря!

Не прошло и минуты, как приказ был выполнен. Главный советник поднялся к трону, поцеловал пол у ног султана и приподнялся, согнув спину и преклонив голову. А султан Санджар как будто только проснулся, на рябом лице вспыхнул черный огонь глаз.

— Мне хотелось рассказать одну историю о нашем отце, — султан отпил из кубка вина и остатки подал визирю. — Однажды он ехал с Низам аль-Мульком на охоту. В одном из ущелий повелитель

спросил своего наставника: чего бы тот в ту минуту хотел съесть?… И Низам аль-Мульк ответил: «Я с удовольствием бы проглотил яйцо всмятку, мой повелитель!» И вот три года спустя они снова проезжали по этому ущелью, и Мелик-шах опять спросил Низам ал-Мулька: «А с чем бы, мой визирь, ты хотел проглотить эти яйца?» «С солью», — ответил Низам аль-Мульк.

— О, если мои слова не оскорбят ответом ваш слух, величайший, — подхватил визирь, — я только добавлю к словам великого визиря: соль… нынешнего времени — острые клинки твоих воинов, которые сотрут с лица земли презренных огузов, происхождение которых не определят сто и один звездочет.

Из соседнего зала мягкой и плавной волной донеслись звуки лютни. Санджар прошелся по ковру и гордо замер у окна.

— Ты близок к истине, почтенный. Всякого, кто посмеет посягнуть на мою власть, я повешу вниз головой, за ребро, как ободранного барана. Памятью моих отцов я заткну глотку каждому, кто посмеет путать мои планы. Прикажи заготовить фирманы в Серахс и Балх. Пусть сушат мясо, готовят муку и ячмень… Скоро мы удостоим вниманием правителей этих благодатных оазисов. Клянусь аллахом, все негодяи, думающие нарушить цельность и могущество моего государства, познают холодок смерти. Пусть каждый из этих в боевом снаряжении выступит против огузов, моих единоплеменников, которым мы объявляем священную войну!.. Начинается великий поход.

Главный визирь вдруг заметил, как рука султана с дрожью сжала рукоятку кинжала. И в его когда-то властном лице проглянула неуверенность, сомнение… Не было в султане той силы и мощи, которая украсила историю государства победами на полях Персии, Мидии и Сирии; той непобедимости, которая пугала многих великих полководцев, создав легендарную историю Хорасана. Санджар долго молился, то и дело опускаясь на колени. На побледневшем, затканном гневом лице, незримо прорезались новые морщины.

— Воля неба всемогуща… Но ты видишь, аллах, сколько мне пришлось приложить стараний, чтобы сохранить государство от презренных газневидов, гурийцев, хорезмийцев.

Почти третью часть своей жизни я провел в походах. Разве не

эта рука наводила страх на врагов и разила их без промаха! Так за что же ты даешь мне новые наказания?.. За что я должен принять на душу неслыханный грех – поднять руку на родственный мне народ?.. Разве ты не видишь, что сила, данная тобою, теряется? Окружающих меня раздирает зависть и жадность. Золото ставится выше чести… жизни!.. Прошу, аллах, измени путь и судьбу моего государства. Сделай так, чтобы мне не пришлось поднимать меч на близких людей к моему трону. Поверни коней всех подлецов, жаждущих наживы и крови, в другую сторону. Измени расположение звезд на небе, о аллах! – и повелитель грозного Мерва опустился на колени; тихо шепча молитвы, восхваляющие и призывающие силу неба.

Наступили тревожные времена. Это было начало XII века и распри в Хорасане все больше подрывали влияние этого государства на подвластные эмираты. При дворце сельджукидов образовались две группы приближенных. Одна из них шла корнями от персидских представителей, другая вела свою родословную от огузских племен.

Мнение царедворцев раскололось. Одни предлагали пощадить восставших, снова подчинив их султану и обложив огромным налогом. Другие ратовали за то, чтобы раз и навсегда покончить с воинственными племенами, поселившимися в верховьях Аму-Дарьи.

…Над Мервом плыла звездная ночь. Санджар лег на тахту, подложив под голову круглую персидскую подушку. И вдруг он громко крикнул:

– Эй, кто там! Прекратить пир! Пусть принесут сюда книги.

…Тихо покашливая, по длинному коридору шел хранитель царской библиотеки, придерживая рукой тяжелую книгу в серебряном переплете. Золотые застежки украшали редкую книжицу. Старик двигался осторожно, губы его шептали молитву; они мелко вздрагивали, от чего казалось, старик не то жует, не то всхлипывает. У двери в спальню старик поклонился заходящему солнцу, которое прислало через оконце свой прощальный луч.

– Великий Аллах, дай мне силы и голос, чтобы он был похож на сладостные звуки флейты. И пусть сердце нашего повелителя расточает сегодня лишь одну доброту.

Старик снял перед дверью кожаную обувь, подбитую медными гвоздями, и осторожно ступил на ковер. На противоположном конце коврового великолепия восседал султан Санджар — гроза и гордость вселенной Из высокого резного арабского кальяна струился легкий, дурманящий дымок, распространяя по комнате сонливую блажь. Кивнув старику, султан потянулся и сказал:
— Читай, хранитель, и пусть твой голос будет приятным и легким, как дым этого кальяна. Мое сердце в дурном смятении… Читай!
Поправив белоснежную чалму, старик положил книгу на низенький раскладной столик и, перебирая четки из сандалового дерева, тихо проговорил:
— Знай же, единственный и величайший, твоих ушей должно коснуться то, чего они не дослушали в прошлый раз…
— Читай. Я хочу слушать о великом Ганнибале.
Каймаз с побледневшим лицом следил за схваткой, то и дело приподнимая от восторга руки.
— Ой-е, ой-е! — воскликнул он, видя, как зеленоватый хвост с прозрачной капелькой яда опустился на голову про тивника.
— Мой единственный и непобедимый! — падая на коле ни, воскликнул Каймаз. — Разве в этом ты не видишь исход новой битвы с неверными!
Ужаленный скорпион забился на подносе, сворачиваясь кольцом. А победитель тут же начал пожирать своего врага…
— Вас ждет огромная добыча! — снова воскликнул Каймаз.
Султан внимательно следил за скорпионьей схваткой на подносе. Его рябоватое, смуглое лицо напряглось. Было видно, что повелителю нравилась кровожадность победителя.
— Мой владыка, но даже тогда, когда аллах сломает крылья судьбы и его лицо повернется к тебе злой неудачей, действия простого воина, уничтожающего себя подобно скорпиону, не достойны твоей великой персоны. Мудрецы говорят, что скорпион никогда не убивает себя… Эй, принесите масла!
Каймаз вытянул из покрывала две шерстяные нитки, сплел из них кольцо и окунул его в густую жидкость. Быстрым движением он окружил счастливого гада промасленной ниткой и поджег. Пламя заплясало вокруг победителя. Удивленный скорпион отскочил от

своей жертвы, но огонь все сильнее разгорался, поджимая со всех сторон. Хищник бросился к противоположной стороне, но и тут его встретило пламя. А мертвый противник уже стал обугливаться. Победитель заметался внутри огненного кольца, но пламя подкрадывалось…

Глаза султана сузились, на лице застыла холодная улыбка. Руки сжались в кулаки. Старый хранитель царской библиотеки вытянул длинную худую шею и долго наблюдал за действиями Каймаза, который все подливал в огонь масла из ночного светильника.

— Храбрец всегда неосторожен, силач всегда самоуверен. И если он погибнет в огне, то смерть его — достойная победа, — сквозь стиснутые зубы прошипел Санджар. Он сидел на подогнутых ногах, словно окаменев.

— Мой повелитель, — подполз к нему Каймаз, осторожно слизывая пот с верхней губы, из-под носа. — Ты швыряешь камнем в слабую травинку. Смотри, смотри! — воскликнул радостно Каймаз.

Скорпион приподнялся, замер на миг и высоко задрал толстый зеленоватый хвост. Потом ошалелая тварь с силой трижды прижала жало к своей спине. Клешни обмякли, и победитель припал к подносу, ослабив хвост…

Каймаз погасил огонь. Скорпион был неподвижен.

— Не верь скорпиону, — обратился Каймаз к Санджару, — он не убил себя. Он хитрит, чтобы в удобный момент отнять у своего врага жизнь. Не верь скорпионам, мой повелитель! А своему визирю не верь еще больше!.. Он опаснее скорпиона… Он уже нацелил свое ядовитое жало.

И вот чудо: одна из лапок скорпиона дернулась. Сжались клешни. Скорпион медленно пополз по подносу, стараясь скрыться… Каймаз хотел раздавить его, но Санд-жар остановил:

— Счастливая звезда взошла над тобой, — с уважением обратился он к скорпиону-победителю. — Теперь я верю твоему характеру и сердцу. Ты предсказал мне новую победу, вселил уверенность в мою душу. — Повелитель Турана высоко приподнял поднос и осторожно сбросил скорпиона за окно, в цветник, где полыхали черные розы. Taryhy proza